

Николай Иванович Гнедич

Рождение Омера : поэма

Санктпетербург : в типографии Императорского театра
1817

EOD – Millions of books just a mouse click away! In more than 10 European countries!

Thank you for choosing EOD!

European libraries are hosting millions of books from the 15th to the 20th century. All these books have now become available as eBooks – just a mouse click away. Search the online catalogue of a library from the eBooks on Demand (EOD) network and order the book as an eBook from all over the world – 24 hours a day, 7 days a week. The book will be digitised and made accessible to you as an eBook.

Enjoy your EOD eBook!

- Get the look and feel of the original book!
- Use your standard software to read the eBook on-screen, zoom in to the image or just simply navigate through the book
- *Search & Find:* Use the full-text search of individual terms
- *Copy & Paste Text and Images:* Copy images and parts of the text to other applications (e.g. word processor)

Terms and Conditions

With the usage of the EOD service, you accept the Terms and Conditions provided by the library owning the book. EOD provides access to digitized documents strictly for personal, non-commercial purposes. For any other purpose, please contact the library.

- Terms and Conditions in English: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/en/agb.html>
- Terms and Conditions in Estonian: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/et/agb.html>

More eBooks

Already a dozen libraries in more than 10 European countries offer this service.

More information is available at <http://books2ebooks.eu>

РОЖДЕНИЕ ОМЕРА,

П О Э М А.

СОЧИНЕНИЕ Н. ГНѢДИЧА,

ЧИТАННОЕ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ, Генваря 2 дня, 1817 года.

.....
*Напечатано съ дозволенія Главнаго Начальства Императорской
Публичной Библіотеки.*
.....

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г ъ,

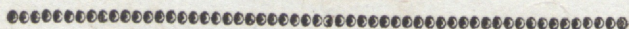
въ типографіи Императорскаго шенбра, 1817 года.

П О С В Я Щ Е Н А

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

СЕРГЬЮ СЕМЕНОВИЧУ

У В А Р О В У.

О комъ говорено три тысячи лѣтъ, но нигде не сказано, о томъ и я нигде новаго сказать не надѣялся; я только хотѣлъ воспользоваться счастливыми для Поэзіи обѣ лицъ Омера преданіями, разбѣянными въ древнихъ писателяхъ. На нихъ основывая Поэму, я такъ же пользовался нѣкоторыми мыслями и новѣйшихъ писателей, судившихъ о твореніяхъ Омера.

РОЖДЕНІЕ ОМЕРА, ПОЭМА.

Съ шѣхъ дней какъ въ Троѣ жизнь великаго Пелида
Стрѣла презрѣннаго убійцы прервала,
Съ шѣхъ дней по немъ шоски ушѣшишь не могла
Мать среброногая безсмершная Оешида.

„Ахилловъ подвиги во гробѣ не умрутъ:
„Какъ холмы гробы ихъ безсмершьемъ процвѣшутъ.
„Поэзія — языкъ свѣпшаго вдохновенья
„Доколѣ на земли могущесшвенъ и свѣптъ,
„Для славныхъ подвиговъ нѣптъ смерши и забвенья;
„Въ могилахъ вѣковыхъ пѣвцы ихъ воскресяптъ.

Такъ утѣшалъ Зевесъ печальную Тетиду,
 Когда она, взнесясь въ высокій бога домъ,
 Напомнила царю о знаменѣхъ свящомъ,
 Какимъ онъ знаменалъ безсмертіе Пелиду.
 Такъ утѣшалъ онъ мать. — Межъ тѣмъ рука время
 Дѣла полубоговъ съ лица земли спирала,
 И самую Молву съ вѣками увлекала
 Хранишельницу дѣлъ сихъ древности племень.
 Съ тѣхъ дней какъ палъ Пелидъ, при вѣкахъ протекали;
 Но дѣлъ его пѣвцы опъ мрака не спасли:
 Какъ эхо пѣсни ихъ раждаясь умирали;
 Краснорѣчивый прахъ безмолсшивалъ въ земли;
 И на конецъ о немъ Ахейцу говорила
 Одна, въ спранѣ чужой, пуспынная могила.

И мать, въ шокѣ забывъ объшъ царя небесъ,
 О мрачной участи сыновней шоквала;
 И день шокъ роковой, какъ жизнь его увяла,
 На вѣчностъ обрекла для горести и слезъ.
 Богиня, исходя въ шокъ день изъ волнъ Эгейскихъ,
 Являлася у тѣхъ ей памятныхъ полей,
 Гдѣ пышный былъ Пергамъ и спанъ дружинъ Ахейскихъ,
 И гдѣ лишь видѣла — могилы ихъ вождей.
 Тамъ, предъ единою всѣхъ вышею могилой,
 Съ копорой безъ конца чернѣлось лоно водъ,
 При коей волнъ ихъ шумъ какъ спонъ ходилъ унылой,
 Тамъ мать безсмертная являлася каждой годъ.
 И грустная возсѣвъ на черный холмъ высокой,
 Подъ коимъ почивалъ божественный Ахиллъ,
 И видя предъ собой шокъ самой долъ широкой,
 Гдѣ каждый камень ей о сынѣ говорилъ,

Она всѣ думы имѣ, всѣ чувства наполняла,
 И изскупленная глубокою тоской,
 И рядъ его торжествъ и образъ оживляла,
 И грозный ей Пелидъ мечтался какъ живой!
 Пелидъ предъ нею вновь рѣшалъ годину боя,
 Вновь Гекторъ упадалъ и вновь пылала Троя! —
 Воспоминая шакъ о славномъ мужѣ шомъ,
 Кошорой именемъ концы наполнилъ міра,
 И, какъ звѣзда въ ночи, падающая съ эира,
 Блеснулъ и скрылъ свой блескъ во мракъ гробовомъ: —
 Великъ ты былъ, мой сынъ! шакъ въ тоскѣ мати мечтала,
 Для записи людей великъ ты былъ Ахиллъ!
 Нѣтъ, жизнь твою рука не смертная прервала;
 Быть можешь въ божествахъ ты зависишь возбудишь.
 Всѣ зрѣли — Аполлонъ спрѣлой убійцы правилъ,
 Сей богъ, кошорой самъ въ дни счастья моего
 На пиръ возлежа, съ Пелеемъ бракъ мой славилъ
 И въ пѣсняхъ предрекалъ мнѣ сына одного;
 Сей богъ, вѣщавшій мнѣ священными устами,
 Что жребій мой Зевесъ блаженствомъ ущедрилъ,
 Что славою мой сынъ сравняется съ богами,
 Сей самой богъ, Пелидъ, твоимъ убійцей былъ!
 И Зевса, можешь быть, сей богъ враждою сильной
 Склонилъ святой обѣтъ забвенію предать,
 Чтобъ съ славой ты на вѣкъ исчезъ во шмѣ могильной!!

Такими думами тоску питала мати.
 Съ богиней скорбь дѣля и сестры Нереиды
 Бросали каждый годъ Нерея влажный домъ,
 И исходя изъ волнъ, близъ горестной Фетиды
 Садились съновашъ при холмѣ гробовомъ.

И съ ней въ безмолвіи крушася грустной думой,
 Иль съ плачемъ мапери сливая гласъ уныль,
 Смущали пишину пуспыни сей угрюмой,
 И въспрь ихъ плача гласъ далеко разносилъ.
 Далеко слыша ихъ смолкала Филомела;
 Недвижно Цинпія на гореспныхъ смопрѣла
 И слезы пихія задумчиво лила.
 Такъ пѣснь ихъ жалобна, шакъ сладоспна была!

„О милыя сеспры, о дщери Нерей!
 „Такъ часпо Ёешида вопила спеня,
 „Не вѣдавъ любви, не знавъ Гименея,
 „О сколько вы дѣвы счаспливѣй меня!
 „Не вѣдома груспъ вамъ быспъ маперью сына
 „И все съ нимъ единымъ на свѣспъ перяспъ.
 „На бѣдспво богиня, на горе я мапъ!
 „И нѣспъ мнѣ опрады, какую судьбина
 „Послала для смерспныхъ несчаспныхъ сердецъ,
 „Чспобъ жизни и скорби увидѣспъ конецъ!

Такъ въ обреченный день являясь надъ могилой
 Спенала съ Нимфами невидимая мапъ.
 И слыша паспырь ихъ незримыхъ спонъ унылой,
 Въ день оный не дерзалъ пуспынь сихъ посѣщаспъ. —
 Такъ годы прошекли, шакъ вѣки миновали;
 Ёешидѣ данныхъ кляшпъ не исполнялъ Зевесъ.
 Вѣка не унесли Ёешидиной печали;
 Она опчаялась и въ промыслѣ небесъ.
 И нѣкогда въ сей день, печали посвященной,
 Мапъ изъ морскихъ пучинъ явилася одна;
 И горьше прежняго уныла и груспна

Воспоминала вновь о незабвенномъ сынѣ
И повѣряла такъ печаль свою пустынь.

„Увы мнѣ богинѣ рожденной къ бѣдамъ!
„И матери въ скорби на вѣкъ безоправданной!
„Зачѣмъ не оспалась, не внемля сеспрамъ,
„Счастливою дѣвой въ пучинѣ я холодной?
„Зачѣмъ меня избралъ супругой герой?
„Зачѣмъ не судила Пелею судьбина
„Связавъ свою долю со смертной женой? —
„Увы! я родила единого сына;
„При мнѣ возраспалъ онъ любимецъ боговъ,
„Какъ пышное древо долинъ украшенье,
„Очей моихъ радость, души утѣшенье,
„Надежда Ахейнъ, гроза ихъ враговъ!
„И сына такого, Эллады героя,
„Создашеля славы Ахейскихъ мужей,
„Увы! не узрѣла припекшимъ изъ боя,
„Его не прижала къ груди я моей!
„Младой и прекрасной Пергама рушитель
„Презрѣннымъ убійцей въ Пергамѣ сраженъ!
„Дѣлами всю землю дивившій воишель
„Какъ смертный ничпожный землей поглощенъ!
„Гдѣжь, Зевсъ, швой обѣщъ мнѣ? Уже ли онъ ложной?
„Уже ли прельщая ты мнѣ возвѣспилъ,
„Что ты исполнишь Судьбы непреложной,
„Два жребія въ жизни Ахиллу судиль:
„Вѣкъ долгій, но мрачный въ дому у Пелея,
„Иль крашкій, но славный подѣ Троею вѣкъ.
„И духомъ высокимъ герой пламенѣя

„На раннюю гибель подъ Трою попекъ.
 „И чуждыхъ обиду мспя бранью кровавой,
 „Поруганъ, обиженъ опъ шѣхъ кого мспилъ,
 „Но все забывая, онъ дышущій славой
 „Своими дѣлами боговъ изумилъ!
 „И клялся шы Дій мнѣ священной главою,
 „Что славой какъ боги безсмерпенъ Пелидъ;
 „Но рашъ еще зрѣла дымящуюсь Трою,
 „И Трои рушишель былъ рашью забытъ.
 „Изъ гроба былъ долженъ явисься онъ мершвой,
 „Чтобъ дани для праха у Грековъ просипъ.
 „Но ихъ чтобъ заспавипъ почпишь его жершвой,
 „Ты долженъ былъ Кронидъ природу смушипъ;
 „И самъ, успрашая Ахеянъ народы,
 „Сномъ мершвымъ сковаль шы зыбучія воды.

„И такъ, за опчизну погибшій герой,
 „Что добылъ у Грековъ кровавой цѣной?
 „При жизни обиды, по смерти забвенье!
 „Но нынѣ, какъ мрачныхъ временъ разрушенье
 „И гробъ Эакида равняешь съ землей,
 „Что нынѣ найдешь онъ у хладныхъ людей?
 „Доспойнымъ попомспва пѣвцовъ посылаюшъ
 „Небесныя Музы, рекъ Дій мнѣ опецъ;
 „Но при уже вѣка свой кругъ совершаюшъ,
 „И гдѣжь предреченный Ахиллу пѣвецъ?
 „Увы! о Зевесъ, прельщены мы тобою.
 „И сынъ мой несчастный, мой юный Ахиллъ
 „Главы своей жершвой, кровавой цѣною
 „Лишь гробъ себѣ шемный въ пуспынѣ купилъ!
 „Но если завѣшы и Дій нарушаешь,

„То смертнымъ несчастнымъ въ кого уповать?
 „И если Ахиллъ какъ Оерсипъ погибаетъ,
 „Что слава? Кпо будешь мечпы сей искашь!
 „Ничпожно геройство пруды и дѣянья,
 „Ничпожна и къ чести и къ славы любовь,
 „Когда на семь свѣтъ имъ нѣтъ воздаянья,
 „Коль славы любимецъ забвенъ опъ боговъ!
 „Такъ, сынъ мой, оставленъ, забвенъ пы богами,
 „И будешь на вѣки забвенъ опъ людей!
 „И холмъ швой надгробный, изрытый вѣками,
 „Забудется въ мѣрѣ, сравненный съ землей.
 „И пы, моей грусти свидѣтель унылой,
 „О Ульмъ, на гробницѣ воспитанный мной!
 „Изсохнешъ и пы надъ сыновней могилой;
 „Одна я останусь съ безсмертной поской!....
 „О, сжался хопъ пы, о земля, надо мною!
 „И если не можешь мнѣ жизни прерватьъ,
 „Сырая земля! разступись подъ живою
 „И къ сыну въ могилу прими пы и мать!

Такъ изступленная печалію Оешида

Спеня, поверглась ницъ на черный холмъ Пелида;
 И голосъ съ высоты богини грянулъ въ слухъ:

„Возстанъ, Нерей дочь, и укрѣпи швой духъ:
 „Послѣднимъ былъ сей день печали посвященный.“

Богиня возскаетъ и взоръ подъявъ смущенный,
 Зришь бога предъ собой мешающаго громъ,
 Приникшаго къ землѣ на облакъ златомъ.

Въ священномъ ужасѣ и въ радости нѣмѣя,
 Предъ Кронидомъ безъ словъ поверглась дочь Нерей;
 Но мрачныхъ думъ еще и горести полна,

„О Кронидъ! наконецъ воскликнула она,
 „Или плачевный спонъ шоски моей глубокой
 „Доспигнуль до швоей обипели высокой?....
 „Или надъ маперью пы сжалился Зевесъ?“

Рекла, и вновь припавъ къ ногамъ Царя небесъ,
 Рукой спопы его священныя обьяла.

„О безразсудная! воззваль къ ней Эгіохъ:
 „Тыль мыслила, чпо я забышь Ахилла могъ?
 „Тыль вѣчноспи моихъ завѣшовъ не познала?
 „Забымалъ, чпо я самъ, поклявшись главой,
 „Не въ силахъ возврапишь сей кляшвы роковой?
 „Но еспъ еще Судьбы: законъ ихъ довременной
 „Опвеспъ иль упредишь — нѣпъ власпи во вселенной.
 „Сіи Судьбы виной, чпо черезъ сполько лѣшь
 „Еще не совершенъ священный мой обѣшь;
 „Чпо блескъ безсмертнхъ дѣлъ — мракъ сокрываетъ гробный,
 „Чпо въ пѣсняхъ не воскресъ швой сынъ богоподобный.
 „Но наконецъ Судебъ исполнился законъ,
 „И вдохновеннаго свершилося рождение.
 „Изъ праха вызовешъ онъ древній Иліонъ,
 „И симъ исполнился мое опредѣленъе.
 „Возспанъ, гряди со мной, увѣруй нынѣ вновь,
 „Чпо непреложенъ вѣкъ обѣшь Царя боговъ.

Молча, на облако возсѣла мапъ Пелида;
 И, пучъ гонипеля велѣніемъ Крониды,
 Взвилося оно какъ вихрь къ эеирнымъ высопамъ.
 И быспро пренесясь къ Ахейскимъ оспровамъ,
 Спустилося на холмахъ счасшливаго Іоса
 Межъ благовонныхъ древъ и злачнаго лопоса.
 И Дій, съ нимъ шеспвовашъ Оепидъ повеля,

Но смерпнымъ спранъ сихъ бысть незримъ благоволя,
 Сквозь рощу яворовъ, на злочной холмъ пологой
 Пошекъ невидимый съ богиней среброногой. —
 Тогда въ полдневный пущъ вступалъ Гипперіонъ,
 И опъ его лица швердь знойная пылала.
 И томная земля какъ будыно въ сладкій сонъ
 И воды и поля и воздухъ призывала.
 Иль будыно чувствуя присушствіе боговъ
 Тогда природа вся вниманье къ нимъ склонила,
 И жершву имъ неся, дыханіе цвѣшовъ,
 Благоговѣнное безмолвіе хранила. —
 Межъ шѣмъ Опець Кронидъ съ холмовъ свой пущъ склонялъ.
 Тамъ — при покашѣ ихъ споялъ уединенный,
 Кругомъ бросая шѣнь, высокій лавръ священный;
 При корнѣ ключъ шумѣлъ прозрачный какъ кристалъ.
 Съ младенцемъ колыбель подъ лавромъ шѣмъ висѣла,
 И юная жена склоняся при ней сидѣла. —
 Недавно первенецъ казалось рождень;
 И мапъ казалася опъ бѣдныхъ смерпныхъ женъ:
 Убогой ризою она была покрыва,
 Но чудная красой, какъ вѣчная Хариша.
 Поникшая главой на колыбель жена
 Сномъ амврозическимъ была окружена;
 Дишя безсловное играло въ колыбели;
 И чпо Ѳеппда зришь? — На лавръ девять пшиць
 Явились въ образѣ пуспынныхъ голубиць
 И шихо низлешя рожденного обѣли.
 Сребрились перья ихъ на выяхъ и грудяхъ,
 Какъ первые снѣга на Гаргара холмахъ;
 Горѣли очи ихъ, какъ свѣтъ злашой Авроры.

Онѣ на колыбель вперя какъ въ думахъ взоры,
 И тихо порхая одна во слѣдъ другой,
 Казалось, диша чудесное лобзали;
 Казалось, легкими съ нимъ крыльями играли.
 За ними пчель злалыхъ являсь внезапный рой
 И по цвѣтамъ кружась, влеченьемъ непонятнымъ
 Неслись къ его уснамъ съ ихъ медомъ ароматнымъ.
 Младенецъ радостный весельемъ прелепалъ;
 И юный взоръ его — горѣлъ какъ огонь денницы;
 И дѣтскій крикъ его — былъ спростный гласъ цвѣтницы.

Зевесъ невидимый въ безмолвіи споялъ.
 Чудясь Пелида мать на колыбель взирала,
 И тихо, чуть дыша, такъ Діа вопрошала:
 „Кто, кто младенецъ сей, повѣдай, Эгіохъ!
 „Не богъ ли свѣплыхъ водъ, иль Олимпійскій богъ
 „Любовью посѣпиль жену сію младую?
 „Надъ чадомъ зрю небесъ я благодать свящую.“
 И Зевсъ ей: „Надъ пѣвцомъ героевъ и боговъ
 „Почіешь съ первыхъ дней небесъ благой покровъ;
 „Любимецъ ихъ пѣвецъ великаго Пелида.“
 „О милосердый Зевсъ!“ воскликнула Тетиды;

И тихо на дыша невидимо припавъ,
 И очи и уста лобзаніемъ покрыла
 И сладкими его слезами оросила. —
 За ней Опецъ боговъ предъ колыбель представъ,
 Каснулся первенца священной рукою,
 И юная душа земнаго существа,
 Почувъ незримаго присущество божества,
 Въ младенцѣ радостно исполнилась святою;

И на челѣ младомъ, какъ неба благодасть,
Блеснула шайная високаго печать.

„Но кто, кто смертный сей, сынъ шайнства священный?
„Кому швой промысль далъ сей жребій возвышенный?
„На сей ли онъ землѣ счастливой порождень;
„Опъ Нимфъ ли родшая, или опъ смертныхъ жень?
„Не сынъ ли онъ царей — и опъ людей гоненья
„Сокрытъ въ пущынь сей, подъ взоры Провидѣнья?
„Иль сынъ онъ пасыря счастливыхъ сихъ полей,
„За добрыя дѣла, за вѣру и смиренье
„Благословеннаго любовію швоей?
„Повѣдай мнѣ, о Зевсѣ, пѣвца сего рожденье.“
Такъ вопрошаемъ былъ Тешидой Царь громовъ.

„Тешида, мракъ Судьбы священь и для боговъ!
„Ей Дій опвѣшествовалъ: и избранники неба,
„Пророки и жрецы, шайнственники Феба,
„Очами шму время могущіе пронзашъ,
„Вошще о немъ дерзнулъ безсмертныхъ вопрошашъ.
„Предъ вѣчною Судьбой безмолствуюшъ и боги:
„Пуши ея всегда шайнственны и многи;
„И шы ихъ проицашъ Тешида не дерзай;
„Кѣмъ смертный сей рождень, меня не вопрошай.
„Пѣвцажъ тебѣ судьбу я возвѣспишъ желаю,
„Но опкрывашъ ему на вѣки воспрещаю;
„И горько смертному въ грядущемъ шо познашъ,
„Чего нѣтъ силъ опвесшъ, ни средствъ избѣжашъ.
„Опредѣленія Судьбы не опврашмы.“

„Ахъ! машь Пелидова рѣчь Дія прервала,
„Когда Судьба его на бѣдства обрекла,

„Да будутъ мной, о Дій, всѣ дни его хранимы:
„Я спутница его до смершнаго конца.

„Нашъ промыслъ сохранишь священнаго пѣвца.
„Но удалимся, Дій рекъ наконецъ богинѣ:
„Пѣвца Ахиллова о будущей судьбинѣ
„Тебѣ я прореку; но часъ его познавъ.
„Пещись о немъ богамъ шы высшимъ предославъ.
„Вошше ему въ покровъ изъ васъ кпо успремимся;
„И власъ его главы моей рукой хранимъся.“

Скончавъ, съ Ѳешидою опшелъ Опець боговъ,
Направя пупъ на холмъ надъ моремъ возвышенный.
И шамо — уклонясь подъ вѣщій лѣсъ дубовъ,
Ему издревле здѣсь Провидцу посвященный,
Онъ взоромъ времена объемля до конца,
Такъ прорицалъ судьбу рожденнаго пѣвца.

„Когда во шмѣ время Ахеянъ дремлютъ грады,
„Какъ въ мракъ погружены земныхъ сыновъ сердца,
„Среди глубокаго безмолвія Эллады
„Восстанешъ чудный гласъ убогаго слѣпца.
„Слѣпецъ, въ дни мужества очей своихъ лишенной,
„Очами разума пронзипъ онъ небеса,
„Обыметъ весь Олимпъ, проспранство всей вселенной,
„И міра горняго проникнувъ чудеса,
„Узришь въ лицѣ боговъ, домъ славы ихъ чудесный,
„Бесѣды чиспыхъ Музъ и радости ихъ пировъ;
„И первый на землю сведя языкъ небесный,
„Прославишь Грецію, Ахилла и боговъ.
„И первое о немъ пророчество свершится:

„Счастливыи нищій сей среди цвѣтущихъ лѣтъ (1)
 „Для взора навсегда погубитъ дневный свѣтъ,
 „Но свѣтомъ онъ другимъ съ безсмертными сравнится.
 „И шьмой въ сей мрачный вѣкъ обяыя сердца,
 „Еще небеснаго душой не постигая,
 „Въ опчизнѣ не почтуть священнаго пѣвца.
 „И будешь онъ слѣпецъ скипаться въ край изъ края,
 „Водимый бѣдноспью за шрапезы царей,
 „Сей спутницей одной его печальныхъ дней.
 „И бѣдноспь мудрому во благо обратишся:
 „Влачась изъ края въ край всевидящій слѣпецъ,
 „Онъ глубину людскихъ извѣдаетъ сердце;
 „Дѣяній и вещей познаньемъ умудришся,
 „И будешь убѣжденъ онъ жизнью своей,
 „Что бѣдноспь лучшее училище людей.
 „И воспоешь тогда онъ спранспвія Героя,
 „Гдѣ опыты своей превратной жизни кроя,
 „Высокій смершному примѣръ изобразитъ,
 „Что мудрый всѣ бѣды шерпѣньемъ побѣдитъ. —
 „Такъ двухъ Героевъ онъ любезныхъ мнѣ прославитъ
 „И двухъ безсмертныхъ чадъ попомспву въ нихъ оспавитъ. (2)
 „И шакъ исполнишся земной его предѣлъ.
 „Тогда его съ земли, съ лица юдоли шлѣнной,
 „Пророка на Олимпъ восхититъ мой орель;
 „Гдѣ благовоніемъ небеснымъ умащенной
 „И въ жизнь нешлѣнную преображенный вновь,
 „На пиръ безсмертія онъ сядетъ межъ боговъ

(1) За неимѣніемъ въ шипографіи Греческихъ буквъ не печатается текстъ Ора-
 куловъ объ Омерѣ, взятыхъ изъ Плутарха. (2) Илиаду и Одиссею.

„И низведетъ въ ихъ домъ святое восхищенье. —

„И збудушся надъ нимъ безсмертныхъ слова,

„Какими Пифію исполнишь вдохновенье:

„Слѣлецъ, твой домъ — Олимпъ, отъизна — небеса!

Онъ смолкъ; и предъ Царемъ душой благоговѣя,

Воспорга полная воззвала дочь Нерей:

„Любимца Зевсова благословень удѣль!

„Но, Зевсъ, проси ты мать, разсѣй мнѣ мракъ сомнѣній:

„Ужели, какъ земной пѣвца сего предѣль,

„Толь мрачна и крапка судьба его швореній?

„Иль ты съ творцомъ и ихъ похитишь опъ людей,

„Чтобъ Кронъ губительной десницею своей,

„Какъ преждебывшія Поэповъ пѣснопѣнья,

„И ихъ не испребилъ во шмѣ сихъ мрачныхъ лѣтъ?

„Иль слава сына въ нихъ къ попомспву не дойдетъ?

„Погибнуть ли должны пѣвца сего шворенья?

„Не гибнетъ слово Музъ, ей рекъ Опецъ боговъ.

„Какъ безконечна водъ намъ видимыхъ пучина,

„Въ подлунной шакова пѣвца сего судьбина.

„И должно зрѣть ряды безчисленныхъ вѣковъ,

„Ряды имущихъ бытъ и царспвъ и поколѣній,

„Чтобъ славу созерцавъ Омеровыхъ швореній. —

„Взирай — грядущія опверзу времена,

„И бытъ имущія спраны и племена.

Онъ рекъ; и мрачная съ временъ завѣса спала,

И въ ихъ явленья мать взоръ жадный приковала.

И зришь: Омера пѣснь во мракъ двухъ вѣковъ,

Въ началъ пайное наслѣдіе пѣвцовъ,

Убогихъ какъ и онъ пиномцевъ Музъ смиренныхъ,

Едва приносишь имъ крупицы современныхъ.

Но извлеченную изъ пымы рукой царей
 Вдругъ пѣснь его изъ успѣ скипавшихся людей
 Уста Оракуловъ принявъ соизволяющъ
 И Боги языкомъ Омеровымъ вѣщающъ. —
 Тогда Феида зришь, сколь дивенъ рокъ пѣвца!
 Тогда Ахейны бездомнаго слѣща,
 Чьей спранничей главѣ покрову не давали,
 Всѣ, всѣ его почпишъ зависно воспылали,
 Возревновали всѣ его усыновишъ!
 И чѣмъ присвоишъ чести, чѣмъ гордишся славой,
 Ахиллова пѣвца опчиною прослышъ,
 Великихъ семь градовъ вспунили въ споръ кровавой!
 Тогда Феида зришь, чѣмъ славный нищій сей
 Спалъ другомъ мудрецовъ и спутникомъ царей;
 Чѣмъ просвѣпишли въ немъ ищущъ просвѣщенья,
 Герои образа, Поэты вдохновенья,
 И всѣ, признавъ его *истотникомъ умовъ*,
 Имъ возвышающся къ познанію боговъ.
 И бога челоуѣкъ невидѣвшій очами,
 Но наученъ поспичъ Омера языкомъ,
 Величье Зевсова одушевилъ рѣзцомъ,
 И дышетъ въ мраморъ Владѣющій громами! —
 Вся древность наконецъ признавъ въ немъ существо
 Какъ бы верховное надъ земнородныхъ міромъ,
 Ахиллова пѣвца, равно какъ божество,
 Торжественно почла и храмомъ и кумиромъ.

Такъ множествомъ вѣковъ, Пелида зрѣла мать,
 Испышывалась пѣснь Омеровыхъ швореній;
 И положилъ тогда временъ священный Геній
 На свѣчкѣ пѣсней сихъ безсмертія печать.

Тогда и самой Кронъ изъ тьмы и разрушеня,
 Изъ праха спершыхъ имъ и царспвій и градовъ,
 Повсюду испоргаль Омера пѣснопѣнья;
 Чшобъ сей небесный даръ, на пользу всѣхъ вѣковъ,
 Опъ мрачной древности, опъ спранъ иноплеменныхъ,
 Доспигъ до новыхъ спранъ, до царспвъ невозрожденныхъ.

Но съ сею славою всемірною пѣвца,
 Кромъ одной Молвы о мрачныхъ дняхъ слѣпца,
 Дивясь Пелида машъ, спрѣшала въ каждомъ вѣкѣ
 Безмолвіе о семъ чудесномъ чловѣкѣ,
 Сокрышомъ опъ людей покровомъ роковымъ.
 И щещно Греція, наполненная имъ,
 Вносила громкій гласъ во всѣхъ градахъ цвѣтущихъ:
 Кпо сей невѣдомый, сей дивный чловѣкъ,
 Копорой какъ перунъ тьму времени разсѣкъ?
 Копорой какъ Гигантъ на раменахъ могущихъ,
 Всю славу Греціи подъялъ изъ тьмы временъ?
 И щещно спранники рожденныхъ вновь племенъ
 Спекались на брега разрушенной Эллады,
 Чшобъ вопрошашъ о немъ пустыни, камни, грады,
 Чшобъ вызвапъ тѣнь пѣвца изъ древности гробовъ;
 Не обрѣпалъ ни кпо земныхъ его слѣдовъ!
 Подобно божеспвамъ, опъ смерпныхъ сокровеннымъ,
 Сокрыла опъ людей Судьба сего пѣвца:
 Его возвышеннымъ, швореньямъ вдохновеннымъ.
 Дивипся вся земля, не вѣдая шворца.

Но на лицѣ земномъ нѣпъ славы несомнѣнной.
 Нескрылся и Омеръ опъ зависпи людей.
 Немолчной славою, гремѣщей во вселенной,
 Онъ гордоспъ раздражалъ и сильныхъ и царей.

И между тѣмъ, какъ мѣсть изъ вѣка въ вѣкъ ходила,
 Свѣпъ коей первому врагу его опмѣшилъ;
 (Свѣпъ имя самое зависпнаго Зоила
 Въ обиду и позоръ повсюду обрапилъ)
 Тирана древности узрѣла дочь Нерей,
 Кошорой низкою враждою пламенѣя, (1)
 Чпо нищій славою царей переживалъ,
 Пѣвца священный ликъ, безумецъ, поругалъ.
 Такъ древле видѣли въ Эгиптѣ воды Нила,
 Какъ черные сыны пустынныхъ ихъ береговъ
 Надъ лучшимъ дѣломъ рукъ ругались боговъ,
 Надъ ликомъ блещущимъ всемірнаго свѣшила.
 Но злоба щещная! безумный гнѣвъ людей!
 Межъ тѣмъ, какъ варвары бѣснужь въ сонмѣ дикомъ,
 Пронзали небеса ихъ богохульнымъ крикомъ;
 Царь свѣла, шествуя блистательной спезей,
 Попоки проливалъ своихъ лучей священныхъ
 На мрачную толпу ругашелей презрѣнныхъ!
 Но чпо? вдали времянь, въ дни поздныхъ тѣхъ вѣковъ,
 Какъ пала Греція подъ судъ иноплеменныхъ,
 Въ спранахъ, свѣпильникомъ Элады озаренныхъ,
 Богиня новыхъ зришъ пѣвца сего враговъ.
 Послѣ прехъ тысячъ лѣтъ хвалу о немъ гремѣвшихъ.
 Вновь споры онъ возжегъ межъ книжниковъ толпой,
 Богашыхъ зависпю, но духомъ обѣднѣвшихъ.
 Омера слава имъ предспавилась мечпой,
 Тяжелымъ бременемъ, для одного безмѣрнымъ.
 И заблужденіемъ гордась неимовѣрнымъ,

(1) Калигула.

Они безсмертное наслѣдіе пѣвца
 Терзають и дѣлять межъ многими пѣвцами. —
 Другіе, въ обласняхъ прославленныхъ умами,
 И кпо? служипели священнаго слѣпца,
 Тѣ, кои пріобщась всей мудрости Востока,
 Поспигли шаинства Ахейскаго пророка, (1)
 Мечтанье древнее извлекшіе изъ тьмы,
 Оружье вепхое лжемудрецовъ забвенныхъ (2)'
 Имъ помрачипь хопящъ свѣтъ испиннь несомнѣнныхъ.
 И чшобы предъ толпой прославишь ихъ умы,
 Сіи жрецы его, изъ глубины чершого
 Гдѣ съ славою ему служили сполько лѣтъ,
 Дерзають опвергать существованье бога,
 Копораго познавъ они учили свѣтъ.
 Дерзають.... Не стерпя ихъ дерзости Θεσιда,
 „О вѣка спыдъ! рекла, о разума обида!
 „Зевесъ, и не казнишь ты Фебовыхъ враговъ?

„Ошринъ Θεσιда спрахъ, прервалъ Опець боговъ.
 „Какъ перваго врага священныхъ пѣснопѣній,
 „Такъ всѣхъ ихъ Аполлонъ казнишь достойно самъ
 „Лишая ихъ сердца небесныхъ наслажденій,
 „Какія сей пѣвецъ доспавипь всѣмъ вѣкамъ.
 „Но опъ клеветъ людей, опъ злобы и хуленья
 „Сильнѣе всѣхъ пворца пворенье защишипъ.
 „Взираи, и въ будущемъ увидишь убѣжденья.
 И дочь Нереева въ видѣньи новомъ зришь,

(1) Бріанъ, Вольфъ и проч.

(2) Старыя мнѣнія Софистовъ Александрійскихъ.

Чпо на развалинахъ, на прахъ Иліона,
 Въ пущыняхъ, симъ пѣвцомъ прославленной земли,
 Его поборники оружія нашли,
 Чпобъ правду зацпишишь и славу Аполлона.
 Тамъ камни самыя, Ахилла видишь машь,
 Тамъ гробы начали свой голосъ подымашь,
 За быпіе шворца и испину шворенья.

Такъ созерцая лѣшь попомспвенныхъ явленья
 Богиня на конецъ въ мерцаніи временъ
 Судьбу Омера зришь подъ небомъ той державы,
 Въ копорой гражданахъ попомковъ видишь Славы
 Безсмертной мащери воинспвенныхъ племень.
 Племень, еще во шмѣ предъ ней парившихъ вѣковъ,
 Являющихъ ряды великихъ челоуковъ,
 И сильныхъ Вишязей и доблестныхъ Царей;
 Кошорыхъ зря дѣла мечшала машь Ахилла,
 Чпо вновь Земля сыновъ — Тишановъ породила
 И навела ихъ гнѣвъ на Греческихъ мужей.
 Подъ пышный Грековъ градъ племень сихъ предводилель
 На зыбкихъ ладіяхъ примчавшись по волнамъ,
 Визаншю пошрясь и Грековъ побѣдилель,
 Побѣды знакъ — свой щипъ — прибилъ къ ея врашамъ. (1)
 Но скрылъ Ощецъ боговъ шѣ вѣки сей державы,
 Когда Неря дочь межъ бранныхъ сихъ племень
 Могла лишь созерцашъ дѣла ихъ бранной славы;
 И быпія опверзь счашпливѣйшихъ временъ.
 Онъ вдругъ раскрылъ очамъ Ошпиды изумленной
 Блишашельнѣйшій вѣкъ спраны преображенной.

(*) Олегъ.

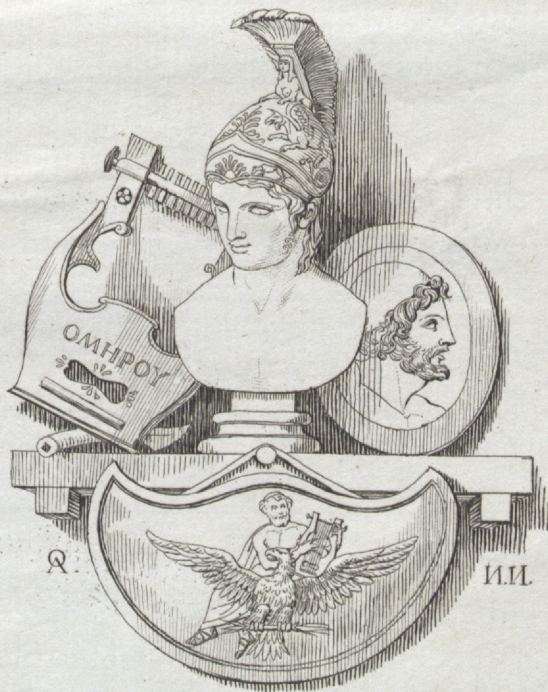
Топть вѣкъ — какъ Царь ея, любимый сынъ небесъ,
 Ея величія до звѣздъ главу вознесъ;
 И міръ склонивъ къ споамъ, его душой плѣненный,
 Наукъ божественныхъ, прямыхъ къ добру вождей,
 Свѣшъ чиспый разливалъ надъ опческой землей,
 Небесныхъ Испинъ самъ ревнипель просвѣщенный.
 Въ счастливый оный вѣкъ подъ небомъ сихъ племень
 Омерову судьбу раскрылъ Опець временъ. —
 И свѣшлыя кругомъ свои вращая очи
 Зришь мапъ Ахиллова, чшо и сыны Полночи,
 Огнемъ божественнымъ согрѣвъ уже сердца,
 И духъ возвысивши Поэзіей священной,
 Плѣнялись пѣснями Поэзии опца.
 Съ воспоргомъ зришь она, чшо въ камняхъ оживленной
 Споишь у нихъ почпень Омера древній ликъ
 Вельможъ въ домахъ — какъ мужъ, достойный удивленья,
 И въ храминахъ пѣвцовъ, какъ Геній вдохновенья.
 И съ препешомъ души, въ дому самихъ Владыкъ,
 Въ сокровищницѣ ихъ — вдругъ познаешъ Оешида
 Знакомый образъ ей, ликъ милаго Пелида, (1)
 Хранимый въ честъ ему предъ взорами Царей!
 И въ шопъ же мигъ — Царей увидя слухъ склонившихъ
 На робкій гласъ пѣвцовъ, Омера пѣснь впорившихъ,
 Машъ — въ полной радости, не находя рѣчей,
 Бросается въ слезахъ обнявъ споны Зевеса...
 И опустила предъ ней Временъ завѣса.
 И Дій уже опець на свѣшлыхъ облакахъ,
 Горѣвшихъ пурпуромъ при западныхъ лучахъ,
 Париль надъ шемною дубравой опкровеній.

(1) Древній бюспъ Ахиллеса находится въ Эрмишажѣ.

„Богиня, къ ней онъ рекъ, довольноль убъжденій,
 „Что сына Кронова невозвратимъ обѣтъ?
 „Я рекъ и збудешся: гдѣ блещетъ Солнца свѣтъ,
 „Тамъ слава возблескитъ Омера и Ахилла.“

Рекъ, и Тетида словъ еще не находила;
 Но руки лишь воздѣвъ съ пылающей мольбой
 Къ Царю, парящему къ холмамъ Олимпа звѣзда,
 Съ высотъ она горы, надъ черной глубиной
 Низверглась — и подъ ней разыграла съ шумомъ бездна.

К О Н Е Ц Ъ.

www.books2ebooks.eu